

С.А.Куприенко (Киев), Н.В.Ракуц

К вопросу о реформировании культа и храмового хозяйства в инкской империи (Перу, XV в.)

В статье исследованы причины, характер и последствия реформ культа и храмового хозяйства в империи инков, осуществленных Пачакутеком Инкой Юпанки, предложена гипотеза их датировки. Для понимания степени влияния реформ на провинциальную жизнь проанализированы тексты колониального времени.

Ключевые слова: Перу, инки, Пачакутек, Куско, религиозная реформа, Кахатамбо.

В исторических исследованиях того или иного общества, особенно в переломные моменты его развития, традиционно важное место занимают вопросы хозяйственной жизни. Не является исключением в этом смысле и Перу доиспанского времени, особенно в эпоху становления и расцвета империи инков (начало XII — XVI вв.) — высшего достижения государственности на американском континенте. В период пика своего развития (конец XV — начало XVI вв.) империя включала территории горных и прибрежных областей современных Перу, Боливии, Эквадора, северного Чили и северо-западной Аргентины. Быстрый территориальный рост государства, прошедшего за столетие путь от «регионального царства» до империи, повлек за собой необходимость проведения ряда реформ в разных областях жизни. Как и в других государствах аналогичного типа, известных нам по Древнему Востоку, к которым инкское Перу было близко стадияльно (Египет, Месопотамия), важнейшую роль в его хозяйственной деятельности играл так называемый храмовый сектор. Поэтому проблемы формирования и функционирования системы храмового хозяйства в империи инков привлекали внимание многих ученых, но до настоящего времени попыток провести датировку ключевых моментов процесса развития этого хозяйства не предпринималось. Для решения данного вопроса важно не только проанализировать имеющиеся письменные источники и написанные работы по этой теме, но и изучить содержание этноисторических источников XVI и XVII столетий.

Сергей Анатольевич Куприенко — аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (creos@narod.ru); Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИА РАН (Ychma@rambler.ru).

Целью предлагаемой статьи является выяснение причин необходимости проведения определенных религиозных реформ в государстве инков в процессе создания империи, их сущности и характера. На основании имеющихся данных можно сделать вывод о том, эти реформы были осуществлены во времена IX Инки (его уже с полным правом можно именовать императором) Пачакутека Инки Юпанки (1438—1471 гг. по традиционной хронологии). Они привели к стандартизации форм культа, иерархизации пантеона божеств и распределению в пользу храмов части земельных угодий. Интересен также вопрос, к каким последствиям эти реформы привели, в частности, в провинциях, и насколько существенно изменили значение и роль храмового хозяйства в империи инков.

Испанские хронисты XVI в. традиционно делили обрабатываемые земли и пастбища империи инков на три части: «земли Солнца», «земли Инки», «земли общин». Они также отмечали, что из урожая, собранного с «земель Солнца», одна часть поступала для потребления в столичный город Куско, а точнее в его главное святилище (Куриканча, т.е. «золотой двор»), другая в случае необходимости могла использоваться в тех селениях, где урожаи собирались. Однако, по мнению испанских хронистов, форму общегосударственной структуры хозяйство храма Солнца приобрело только во времена расцвета империи. Этому предшествовала так называемая первая реформа культа, проведенная особым Собором всех жрецов государства. Миссионер Кристоаль де Молина «Кусканец» (1529—1585) в своем докладе в 1575 г. отметил, что Собор проходил, вероятно, в связи с победами инков над чанками после 1438 г. в столице Куско во времена, когда еще был жив правитель (кеч. *sapa-инка* — «единственный инка») Виракоча Инка*. Чанки, согласно имеющимся источникам, были мощной племенной конфедерацией (как сегодня полагают исследователи, возможно включавшей различные по языку группы, занимавшие территории современных перуанских департаментов Аякучо, Абанкай и Апуримак), соседствовавшей с областью Куско и пытавшейся подчинить ее¹. Тогда и было, по мнению Молины, отдано предпочтение не богу Солнца Инти, а творцу мира — богу Виракоче, который помог инкам в войне с чанками. Однако следует заметить, что хронисты часто путали правителей Виракочу и Пачакутека Инку Юпанки или даже считали их одним и тем же лицом, поэтому эта датировка не является полностью достоверной.

Если полагаться на данные Молины (а он долго жил в Куско, и нет оснований в них сомневаться) и другого миссионера — Кабельо де Бальбоа (1535—1608), то можно утверждать, что именно тогда и было определено, какие земли и доходы с них должны принадлежать святилищу «Творца Мира» (*Тикси Виракочи Пачакамака Пачайачачика*), которое находилось во дворе под названием Пукамарка на территории храма Солнца (*Куриканча*) и было построено Пачакутеком. По другой версии отдельный храм Виракочи под названием Кишуарканча был воздвигнут на центральной площади Куско, относившейся к Ананкуску (т.е. «Верхнему городу»), одному из двух подразделений столицы, где находилась его золотая статуя, и именно после постройки храма якобы и началось особое почитание этого

* Официально отец Пачакутека (точные даты жизни и правления неясны) принял имя бога-творца Виракочи после того как тот явился ему в виде призрака.

Реконструкция вида внешней стены храма Кориқанча в Куско

бога. Здание имело и другое название — Куйусманко (слово «манко» относилось к Виракоче и означает «прапрадед, предок, основатель рода»). Кроме того, идол Виракочи также находился в храме Куриканча вместе с идолами других богов, и потому ошибочно считалось, что из-за расположения по правую сторону от идола Солнца он был у него в подчиненном положении. В этом храме, вероятно, для решения насущных дел собирались все советники правосудия и военные советники государства². Данный факт указывает на то, что культ Солнца на момент формирования империи утратил свое прежнее положение в Куско, и произошло объединение различных религиозных течений и божеств, правда, в рамках того же храма Солнца. Косвенно это подтверждается тем, что именно *сапа-инка* Пачакутек Инка Юпанки приказал построить кроме святилища Виракочи храмы и для других божеств, — Грома, Молнии и Удара молнии в квартале Тотокача* и Ванакаури — а также тем, что следует поклоняться Пачамаме («Мать-Земля») и звездам. Святилище Ванакаури особо почитали инки из так называемого Хурин (т.е. «Нижнего» Куско), так как считалось, что именно там хранились мощи мифического основателя города Манко Капака, и утверждалось, что от Ванакаури «происходили Инки»³.

Хронист-иезуит Хосе де Акоста (1539—1600) писал в 1590 г. противоположное: «[Пачакутек] Инка Юпанки отвел поля (*чакры*), земли и скот для Солнца, грома и других *уак* [святилищ], но ничего не выделил для Виракочи по той причине, что, будучи общим владыкой и творцом, он не имел в этом нужды». А испанский историк Фернандо де Монтесинос

* Это божество миссионеры сравнивали с пародией на христианскую Троицу, так как оно фигурировало под тремя именами — Чукилья, Катуиля, Интиильапа, т.е. «гром», «молния», «удар молнии».

(1593—1655) в 1644 г. указывал: «Майта Юпанки (в данном случае надо иметь в виду, что Монтесинос пользовался не «общепринятым» источником, а рукописью колониального времени из Кито, и имена и датировки у него часто не совпадают с традиционными. — С.К., Н.Р.)... много беспокоился относительно религии и после одной выдающейся победы, которую одержал над чанками, приказал под угрозой тяжких наказаний, чтобы *Ви-ракоча* считался общим властелином всех вещей и указал *чакры* [поля, кеч. испанизованное во мн. числе *chacras*] Солнцу, Луне, Грому и Молнии и другим идолам, а *вира коче* (таково написание автора. — С.К., Н.Р.) не выделил ничего, приводя в качестве основания то, что творец всех вещей ни в чем не испытывает нужды»⁴. Испанский путешественник Сармьенто де Гамбоа (1532—1592) сообщал о том, что Пачакутек Инка Юпанки был «сыном Солнца, стражем Куско, города Тикси Виракочи Пачайачачика», по чьему приказу он охранял Куско на момент прихода туда воинственных чанков и до своей коронации в 1438 г. Однако после победы над чанками для святилищ Солнца, Творца Мира и Молнии были предоставлены «доходы с земель, скот и слуги». Но о подобных «реформах» в более позднее время также сообщали такие хронисты, как Кабельо Бальбоа и Мартин де Муруа (1525?—1608?). Они указывали, что во времена Пачакутека состоялось два похода в южный регион Кольасуйу в бассейне озера Титикака, которые возглавил полководец Апу Кунти Майта. В результате этих походов инки победили Кольакапака (точнее, Чучи Капака, главного правителя провинции Атун Кольа, которого также называли «Король и Владыка, сын Солнца»). Победа была отпразднована в Куско, а храму Солнца предоставлены значительное имущество и доходы. На захваченных территориях были определены соответствующие земли, население и стада для обслуживания храмовой собственности. Однако после этого Пачакутек (по другим сведениям уже его сын Тупак Инка Юпанки) созвал Собор жрецов, и тот учредил градацию святилищ по степени важности их почитания, а также было решено, что наиболее могущественным является «основание всему, превосходительство и творец мира» Виракоча, а лишь после него на втором месте Солнце⁵. Итак, вопрос заключается в следующем: сколько реформ — одна или две — имели место в культовой сфере, и какова их роль в укреплении империи?

Исходя из приведенных противоположных свидетельств, можно предположить, что Кристоаль де Молина и Кабельо Бальбоа допустили ошибку, написав о «святилище *Тикси Виракочи Пачакамака Пачайачачика*», поскольку они перечислили сразу несколько разных божеств (Виракоча — божество горцев, Пачакамак — главный бог жителей побережья здесь представлены как составные части имени одного божества), которые могли быть соединены в один образ лишь в результате «*Второй реформы*». Хотя идол Виракочи, как уже было сказано, находился в одном храме со статуями Солнца, Грома и Молнии. Потом эту ошибку повторил Мартин де Муруа, использовавший материалы своих коллег. Фернандо де Монтесинос в свою очередь ошибся в имени правителя и вместо «Пачакутека Инки Юпанки» написал «Майта Юпанки», поскольку в регион Кольасуйу состоялось два похода под предводительством полководца Апу Кунти Майта времен Пачакутека. Согласно гипотезе, подтвержденной фактическим материалом, этнос инков формировался именно на территории провинции Кольа, основным языком населения которой тогда был пукина (вымерший,

Пачакути Инка в изображении Гуамана Помы (начало XVII в.)

правления Пачакутека Инки Юпанки, а не других правителей, но уже после военного похода не против чанков, а против народов региона Кольа, т.е. в период между 1465—1466 гг. и 1470—1471 гг.⁶ Хозяйства храмов Солнца, Творца Мира, Грома и Молнии, которые олицетворяли мужское начало, были объединены и имели общую собственность и имущество во всех провинциях империи. Вместе с тем культы Луны и Матери-Земли, олицетворявшие женское начало, были также объединены, их общий главный праздник отмечался в один день в августе. Распределение жертвенного скота между божествами происходило исходя исключительно из того, какого цвета он был. Собором жрецов определялись все святилища или идола-уаки (кеч. «уак'а» — «идолы», «фигурки людей и животных, которые носят с собой»; «уак'а муч'ана» — «святилище», «место идолов»), которым должны поклоняться люди, а все другие запрещались. Старые идола-уаки заменялись новыми. После этого были назначены ревизоры — Амару Тупак Инка, Вайна Авки Юпанки или Вайна Йанки Юпанки (родственники или братья Пачакутека Инки Юпанки). В их обязанности входило следующее: ликвидировать некоторые старые уаки, по каким-либо причинам сочтенные ложными (для чего было достаточно, например, чтобы предсказание оракула не понравилось правителю) или враждебными, и установить порядок новых жертвоприношений, указать, когда они должны происходить, а также ввести новые церемонии. Для подкрепления этой реформы был издан закон, по которому все общинники должны были обрабатывать поля для принесения жертв Солнцу, Луне и идолам, и все, что собиралось с таких полей-чакра, не должно было тратиться ни на что иное, кроме как на жертвоприношения идолам-уакам и другим святилищам⁷.

до сих пор слабо изученный язык). А долину Куско, где тогда господствующим был язык аймара, инки заселили за несколько столетий до описываемых событий.

Нет ничего странного в том, что победа над другим «сыном Солнца» повлекла за собой не только устранение «конкурента», но и установление господства инкских кланов из Куско на своей «исторической» родине. При этом все имущество и доходы хозяйства храма Солнца с острова Титикака на одноименном озере (в храме находилось три идола: «Апу Инти, Чурип Инти, Интип вавки, т.е. владыка Солнце, сын Солнца и брат Солнца») были переданы храму Куриканча в Куско. Однозначно можно утверждать лишь то, что, в отличие от сомнительной датировки «первой реформы», эта, так называемая *вторая (храмовая) реформа*, тоже состоялась во времена

Такой, достаточно жесткой по форме, выглядит реформа Пачакутека в изложении цитируемых здесь хронистов. Следует, однако, заметить, что, во-первых, временем правления указанного императора она, судя по всему, не ограничилась — необходимые изменения и «поправки» делались и позднее. Наиболее существенным было именно перераспределение возделываемых земель и пастбищ и установление четкой субординации святилищ — вполне в духе имперской централизации. С централизацией связана также установка, что все уаки были созданы Солнцем, был отдан приказ приносить их в Куско для особого праздника, после которого их, как подданных, одаривали подарками и возвращали в свои области уже получившими официальное признание. Сюда же относится установленный контроль над деятельностью региональных святилищ, обязанных отчитываться о проводимых обрядах. Обычной практикой было именно признание провинциальных уак и включение их в общеимперскую систему, если их культы не вступали в конфликт с собственно инкской религиозной системой, что случалось нечасто, поскольку концептуальная основа андских культов была в общем единой. Неслучайно некоторые местные божества были официально почитаемы также и инками — Пачакамак, Пачамама и другие⁸.

Инка беседует с уаками

Предположить время проведения этой, условно говоря, второй реформы Пачакутека можно, исходя из свидетельств, относящихся к мерам, принятым руководством страны после разрушительного извержения вулкана Эль Мисти вблизи Арекипы. Оно произошло, как полагают, в 1454 г. (+/- 15 лет), после него потребовалась эвакуация населения, в которой значительную помощь оказала жена *сапа-инки* Пачакутека — Койя Мама Анаварки⁹. Она приказала сделать большие жертвоприношения идолам в храме *Tupci Vasi*, что значит «дом Вселенной» (под которым, вероятно, подразумевался храм Виракочи), и во многих других храмах Куско. После этого в Арекипу отправился лично Пачакутек Инка Юпанки с многочисленными жрецами и «колдунами» и, прибыв в город, также совершил множество жертвоприношений. Известно, что через несколько дней после этого Койя умерла, что может говорить о ее преклонном возрасте, — сообщалось, что ее дочь уже была замужем за ее сыном Тупаком Инкой Юпанки* — и это указывает на то, что события могли происходить именно после 1465—1466 гг.¹⁰.

* Со времен Пачакутека был узаконен брак наследного принца с собственной сестрой.

Испанские хронисты, чиновники и миссионеры собирали лишь устные свидетельства относительно реформ Пачакутека, что, соответственно, и отразилось на точности фактов. Проверить такие факты отчасти можно, воспользовавшись более поздним источником, представляющим собой 56 ритуальных текстов на языке кечуа, написанных в ходе процессов по искоренению идолопоклонства в провинции Кахатамбо 1656—1663 гг. (в северной части современного перуанского департамента Лима). Эти документы хранятся в Архиепископском архиве г. Лимы в отделе «Колдовства и язычества» (сокращенно AAL SHI Leg. III). Именно позднее время создания текстов позволяет отчасти проследить тенденции развития религии и мифологии конкретного общества и узнать, продолжились ли процессы, инициированные Пачакутеком, а также подтвердить или опровергнуть гипотезу об утверждении в сознании жителей провинции основных положений его реформ. Следует отметить, что большинство текстов индейского происхождения, содержащихся в хрониках Кристобала де Молины «Кусканца» (1575), Инки Гарсиласо де ла Веги (1609), Санта Крус Пачакути Йамки Юпанки (1613) и Гуамана Пома де Айялы (1615), созданы под явным христианским влиянием. И лишь «Рукопись из Уарочири» (1608), хотя и подвергшаяся воздействию христианской доктрины, а также фрагменты поэтических текстов, собранных Хуаном Пересом Боканегрой (1631), имеют аутентичное индейское содержание. Именно поэтому записи более позднего времени на языке кечуа* из региона Кахатамбо играют важную роль для изучения жизни индейцев колониального и отчасти доколониального периода. Однако необходимо иметь в виду, что в основном инки насаждали в своей империи, после провозглашения кечуа «общим», т.е. «государственным» языком (согласно Сармьенто де Гамбоа — при Пачакутеке), изучение других диалектов кечуа, обозначаемых лингвистами как Q.IV и Q.III, существенно отличавшихся от кечуа района Кахатамбо. Поэтому уместным будет проследить развитие и распространение идей, возникших в Куско и зафиксированных почти через 200 лет в другом регионе. Конечно, ритуальные тексты из Кахатамбо не могут быть полностью достоверными, учитывая, что для их получения судьи оказывали давление на свидетелей и обвиняемых, а сами показания, часто неполные, проходили сквозь сознание свидетелей, писаря и судьи, а в некоторых случаях — и переводчика. И неизвестно, кем из этих участников в словах на диалекте кечуа Q.I делались разные изменения, относящиеся к кечуа Q.II, хотя это, вероятно, указывает на некоторое культурное влияние инкской столицы Куско. Так, известно, что ритуалы и церемонии происходили в Кахатамбо именно на языке Куско, поскольку «приказы стариков и *камачикос* [старых жрецов] не есть соль и перец, и [приказы] о времени поклонения своим [мумиям]-*мальки* ... отдавались на главном языке инков (Q.II)», а не на местном языке (Q.I)¹¹.

Учитывая это, следует рассмотреть сами ритуальные тексты. Например, в тексте № 24 и похожем по смыслу № 31 из селения Санто-Доминго-де-Париак содержится молитва солнцу (кеч. *инти*, *пунчау*): «*Отец Солнце, Отец День, Отец всех уак, это моя кока, это моя чича, это мой маис, это моя чича. Съешь и возьми это*». В этой молитве прослеживаются высшая

* По современной лингвистической классификации на диалекте кечуа, обозначаемом, как принято лингвистами Q.IV, и сейчас распространенном в центральной перуанской сфере.

иерархия солнца по отношению к местным святилищам-уакам и его родовое значение по отношению к ним. А молитва о жертвоприношении для мумий (кеч. *мальки* — «мумия» первопредка) и солнца из текста № 40 из селения Сан-Педро-де-Акас свидетельствует, что предки для местных жителей все еще были даже важнее Солнца, ибо в данном тексте на первое место ставились «*Отцы мальки, Отец день, Вдыхающие жизнь* [создающие], *Выпейте сначала*». Использованное после названия «день» (пунчау, а это одно из названий для *Инти* — солнца, «утреннего») слово «камак» («тот, что создает») почти аналогично тому, что писали Кабельо де Бальбоа и Мартин де Муруа, используя слова «Тикси» и «камак», но у них речь шла о «Тикси Виракоче Пачакамаке Пачайачачике», который является творцом вселенной. У Монтесиноса также упоминались поля

Поклонение идолам инков

(*chacras*), которые не получил Виракоча, но получили Солнце, Луна, Гром, Молния и другие идолы. Причем, согласно тексту № 37, Солнце тоже может создавать разные вещи или животных. А в тексте № 34, где содержится молитва к мумии, говорится, что предки «создают пищу, съестное и оживляют землю» («*micuicama, pucha samac, ticssicamac*») и что они являются «хозяевами каналов и полей» («*pacsoyoc, chacrayoc*»). Все это указывает на давнюю культурную традицию, когда предки и Солнце были главными объектами культа, но мы не находим каких-либо изменений в ритуальных текстах Кахатамбо, которые бы указывали на распространение инкских идей о Виракоче в данной провинции, хотя лексически тексты довольно родственны.

Эту местную традицию можно проследить и по другим источникам. Мифологически в представлениях индейцев Кахатамбо весь мир назывался *Тикси муйу*. Всю землю по краям и внизу окружала мать-море (море в мифологическом значении как вода, которая под землей объединялась с озерами) — *мамакуча* или *тикси куча*, или *тикси мамакуча* («мать-море и основа»). Виракоча инков как божество, исходя из сопутствующего ему названия «*Тикси*», таким образом связывался с подземными водами и водными краями мира. Он был богом вод, находившимся в морях, озерах, реках и источниках. В свою очередь вода или «*Мамакуча*» в разных молитвах в Кахатамбо связывалась с миром мертвых: так, предки какого-либо поселения приходили с моря и оставались отдыхать в своем месте погребения. И действительно, тексты № 44, 46, 47, 50, 52—54 из Кахатамбо с молитвами, обращенными к первопредкам, основателям рода, содержат сведения о происхождении этих первопредков из «матери-моря» (*matasochapita*) или

«основы матери-моря»/«границ матери-моря» (tici mamascochapita)¹². Так же и Виракоча инков связан с границами мира у Кристобала де Молины: *«О, Творец! Владыка пределов земных! О, наимилосерднейший! Ты, дающий жизнь всем вещам и сотворивший людей, чтобы они могли жить, и есть, и размножаться. Умножь также плоды земли, картофель и другую пищу, тобою сотворенную, чтобы люди могли [жить], не испытывая нужды и голода. О, сохрани плоды земли от мороза и сохрани нас в мире и безопасности»*. Но в кусканской молитве к Солнцу о Виракоче прямо сказано, что последний дает первому жизнь: *«О, Творец! Ты, дающий бытие Солнцу и сказавший затем: да будут день и ночь. Подними его и заставь его сиять, и сохрани то, что тобою создано, чтобы оно могло даровать свет людям. Даруй сие, о, Творец! О, Солнце! Ты, пребывающее в мире и безопасности, сияй над нами, оберегай нас от болезни и храни нас во здравии и безопасности»*. Это непременно указывает на влияние одной из реформ Пачакутека на ритуальные тексты собственно для инков из Куско. Существенным трансформациям подверглись и представления о верховенстве бога Виракочи по отношению к самим инкам: *«О, благочестивый Творец, повелевавший и находивший нужным, чтобы был Повелитель Инка, воздай Инке, чтобы он мог пребывать в мире, со своими слугами и вассалами, чтобы он мог добиться победы над своими врагами и всегда был победителем. Не урезай дни его, и дни его детей, и даруй им мир, о, Творец!»*. Однако более давним вариантом для Куско все же надо считать почитание Солнца как бога-отца, где нет и намека на верховенство Виракочи: *«О, Солнце! Ты, сказавший: «пусть там будут Куско и Тампу», позволь, чтобы эти твои дети могли завоевать всех других людей. Мы заклинаем тебя, чтобы твои дети Инки могли быть завоевателями всегда, для сего ты сотворил их»*. Но после завоевания Пачакутеком региона Кольа и покорения местного храма Солнца (озеро Титикака), безусловно, возник вопрос об обосновании верховенства кланов Куско над другими инкскими кланами и родами, а это и привело к формированию новой устной традиции, которая была воспроизведена в одной из легенд инков, где был изменен главный действующий бог. Так, у инков, согласно одному из источников, «Творцом мира» будто бы считался один бог с разными именами: «Тиксивиракоча или Пачайачачик, происходивший из Тиауанако (древнего города близ озера Титикака, во времена инков уже заброшенного) и приказавший солнцу, луне и звездам отправиться на озеро Титикака, чтобы оттуда подняться на небо», и в свое время Солнце позвало инков и Манко Капака и приказало им завоевывать земли, народы. Но эти утверждения, приводимые в хрониках как мифы о происхождении инков, видимо, возникли позднее, поскольку они отвечают взглядам на «Творца мира», сложившимся после реформ Пачакутека Инки Юпанки, и потому нет оснований считать их давней устной традицией¹³.

Иезуит и историк Бернабе Кобо (1580—1657) отмечал, что Пачакутек Инка Юпанки завоевал также и Кахатамбо. И все же, вероятнее, что это сделал его сын Тупак Инка Юпанки. К тому же в Кахатамбо в 1657 г. жители упоминали, что у них есть легенда их предков, гласящая, что «Тикля Урао, который был главным индейцем этого поселения Акас, был тем, кто вышел из поселения увидеться с ингой» (вариант написания слова «инка», в данном случае имелся в виду именно Тупак Инка Юпанки), и что «на-

званный инга приказал названному Тикля Урао, чтобы, когда он вернется в свое поселение, они [жители селения] сделали ему капакуча» (приблизительный перевод — «великое жертвоприношение», хотя есть и другие варианты — «монаршая вина», «монарший долг», «королевский посланец»). Надо заметить, что именно последний вариант трактовки точно отвечает самому содержанию ритуала, который заключался в погребении человеческой жертвы заживо. Ритуал в данном случае представлял собой размещение в большом, закопанном в землю, горшке живого существа, которое приносилось в жертву Солнцу, являвшемуся отцом инги. И «названный Тикля Урао сделал названную капакуча на горе под названием Набинкото возле идола Йана Ураве и там поместил выбранное живое существо, не имевшее родинок на всем теле и пятен, и красивейшее, какое бы нашел в поселке, и туда ввел ее живую, и зарезали [тогда] много местных баранов, морских свинок, и что все годы они делали жертвоприношение в том месте». Хотя неизвестно, в каком году состоялось это событие, оно говорит либо о существенном влиянии религиозных представлений инков из Куско на провинцию Кахатамбо, в частности, на распространение церемонии *капакуча*, либо о продолжении местной доинкской традиции (капакуча), включенной в аналогичную инкскую практику¹⁴.

Учитывая свидетельства текстов из Кахатамбо и принимая во внимание идеологические принципы инкского государства-империи с его строгой иерархией не только людей, но и божеств, можно сделать некоторые выводы о политике инков в провинции. Больше всего земель имел созданный на основе объединения культов многих божеств так называемый храм Солнца в Куско, для которого инки по всей стране активно выделяли отдельные земли, а также храм Пачакамака (на центральном побережье центрального Перу). Внедрение же культа Виракочи, судя по всему, не затронуло существенным образом жизненный уклад жителей провинций, поскольку Виракоча, возникший на религиозном олимпе, видимо, как результат измышления мудрецов из Куско, оставался богом немногочисленной инкской элиты, поэтому в провинциях имперские храмовые хозяйства продолжали считать принадлежащими «Солнцу». Реформы Пачакутека, тем не менее, свидетельствуют, что не только «храмы Солнца» имели земли. Долю земли имели и местные святилища-уаки, какими бы незначительными они ни были, и это было давней традицией в Андах. По обыкновению земли уак обрабатывались местными жителями, но землями некоторых главных богов, а также Солнца, в случае, если их площадь увеличивалась, могли пользоваться переселенцы-*митмаки* и слуги-*йана*. Однако реформы Пачакутека значительно ускорили процесс концентрации местных ресурсов и рабочей силы, а также существенно изменили положение в пользу правящих инкских кланов из Куско¹⁵.

Подводя итоги, с достаточной уверенностью можно утверждать, что так называемая *первая реформа культа* была проведена Пачакутеком около 1438 г. и состояла в объединении храмовых хозяйств, упорядочении церемоний и ритуалов и была вызвана как значительными завоеваниями Пачакутека Инки Юпанки после войны с чанками и узурпацией власти поддержавшими его кланами Ананкуско, так и необходимостью укрепления своего господствующего положения. «Вторая реформа Пачакутека» была осуществлена между 1465—1466 гг. и 1470—1471 гг. после успешного завое-

вания региона Кольа (прародины этнических инков) и устранения главного конкурента — правителя Чучи Капака. Целью реформы было обоснование возвеличивания бога Виракочи, бога-творца, который «правил миром и отдавал приказы Солнцу», и тем самым закрепление власти правящей инкской группировки Ананкуско, во главе которой и стоял Пачакутек, а после него — его сын Тупак Инка Юпанки. Последний за время своего правления (1471—1493) в несколько раз увеличил территорию империи и одновременно, продолжая дело отца, активно создавал на завоеванных территориях, наряду с государственными и личными императорскими, унифицированные, могущественные храмовые хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ C. de Molina. An account of the fables and rites of the yncas. — Narratives of the rites and laws of the Yncas. New York, 1873, p. 11—33.

² M. Cabello Valboa. Miscelánea antártica. Una historia del Perú antiguo. Lima, 1951, p. 306—337.

³ M. de Murúa. Historia general del Perú, origen y descendencia de los Incas. Madrid, 1962, p. 47—56.

⁴ B. Cobo. Historia del Nuevo Mundo — B. Cobo. Obras: Historia del Nuevo Mundo. Fundación de Lima. Dos cartas mejicanas. Madrid, 1964, p. 78—160.

⁵ P. Sarmiento de Gamboa. Historia de los Incas. Madrid, 2007, p. 90—106.

⁶ A. R. Gavilán. Historia de Nuestra Señora de Copacabana. La Paz, 1976, p. 18—78.

⁷ R. Cerrón-Palomino. El legado onomástico puquina: el propósito de «Capac» y «Yupanqui». — Estudios Atacamenos. Arqueología y Antropología Surandinas, 2001, N 41, p. 119—130.

⁸ J. H. Rowe. Inca Policies and Institutions Relating to the Cultural Unification of the Empire. — The Inca and Aztec States: 1400—1800. New York, 1982, p. 108—109.

⁹ <http://www.volcano.si.edu/world/volcano.cfm?vnum=1504-01=&volpage=erupt>

¹⁰ L. Millones. Brujerías de la Costa/Brujerías de la Sierra. — El Hombre y su ambiente en los Andes Centrales. Senri Ethnological Studies. Tokyo, 1982, N 10, p. 62, 249.

¹¹ C. Itier. La tradición oral quechua antigua en los procesos de idolatrías de Cajatambo. — Bulletin de l'Institut français d'études andines, Lima, 1992, Vol. 21, Issue 3, p. 1010—1013.

¹² Ibid., p. 1034—1048.

¹³ C. de Molina. Op. cit., p. 30.

¹⁴ A. Torero. Idiomas de los Andes. Lingüística e Historia. Lima, 2002, p. 54—132.

¹⁵ M. Rostworowski de Díez Canseco. Redes económicas del Estado inca: el «ruego» y la «dádiva». — El estado está de vuelta: desigualdad, diversidad y democracia. Lima, 2005, N 30, p. 15—47.